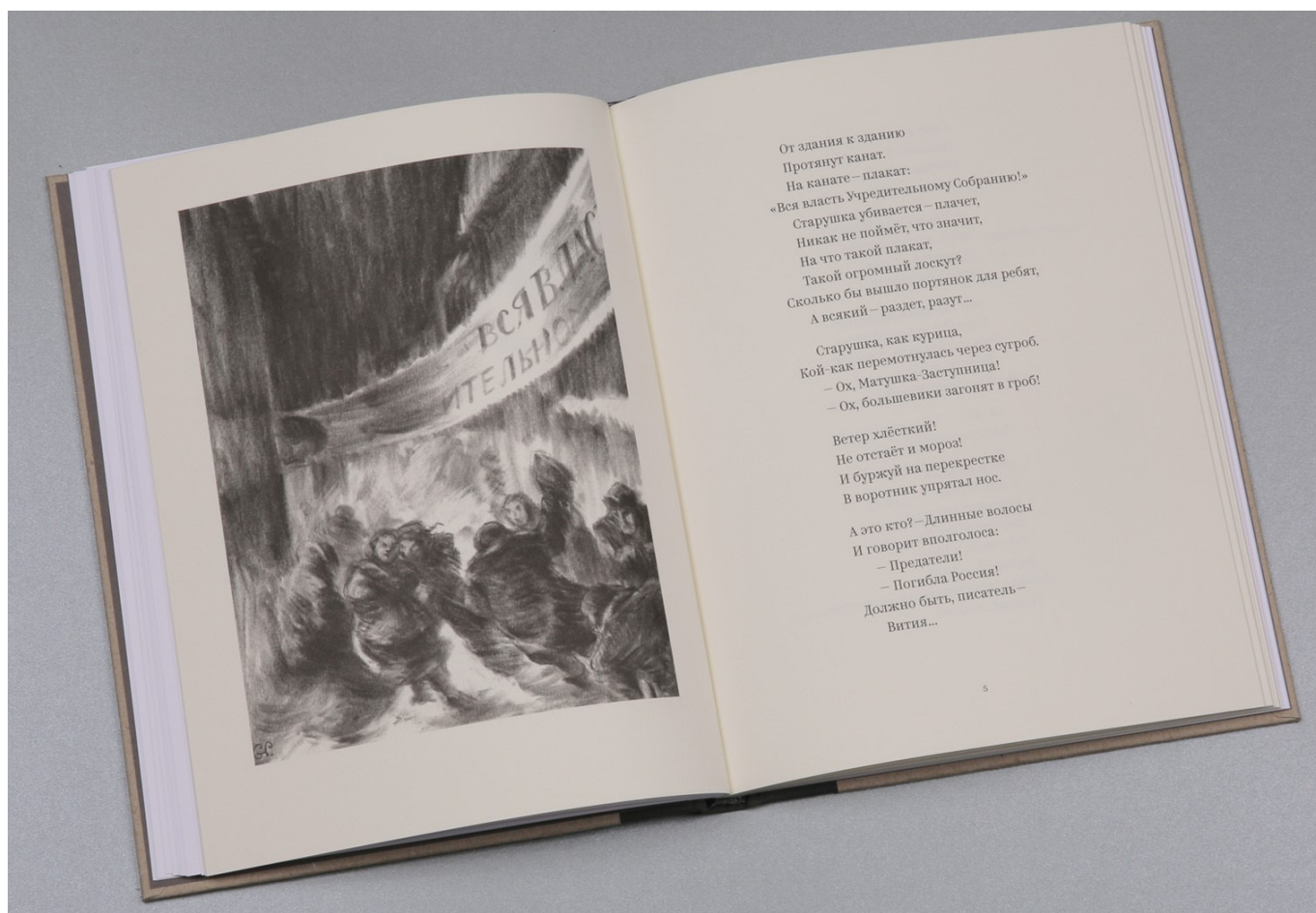

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Понятны ли французам «Двенадцать»? | Les Français comprennent-ils "Les Douze"?

Author: Жорж Нива/Надежда Сикорская, [Москва-Женева](#) , 29.01.2018.

"Большевики загонят в гроб"?

Ровно сто лет назад, в январе 1918 года, Александр Блок написал поэму, которую сам считал вершиной своего творчества и которая по сей день остается неразгаданной. Этот юбилей отмечает сейчас литературный мир.

Il y a exactement 100 ans, en janvier 1918, Alexandre Blok a écrit le poème qu'il considérait lui-même comme l'apogée de son art et qui, jusqu'à aujourd'hui, reste énigmatique. Le monde littéraire fête actuellement cet anniversaire. Les Français comprennent-ils "Les Douze"?

Поэма была написана Блоком почти через год после Февральской революции и всего через несколько месяцев после Октябрьской. Известно, что она была сочинена за несколько дней, месяц потребовался на окончательную доработку. Закончив текст поэмы вчерне, непосредственно после легендарной финальной фразы «...в белом венчике из роз — впереди — Исус Христос...», сто лет назад день в день, 29 января 1918 года, Блок оставил в своей записной книжке несколько сумбурную, но очень показательную пометку: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь (чтобы заглушить его — призывы к семейному порядку и православию)... Сегодня я — гений.» Призывы в России и сегодня те же, но есть ли гении, способные расслышать сквозь них возрастающий шум? Не факт, но напрячь слух точно стоит, а для этого – перечитать прекрасную поэму, которую в советской школе нам, как правило, преподносили в исключительно революционной трактовке, приписывая автору все растасканные на цитаты изречения ее героев-красноармейцев.

Многочисленные издания поэмы «Двенадцать» украшают полки книжных магазинов. Однако нам хочется обратить внимание на издание некоммерческое, подготовленное в рамках исследовательской программы давнего партнера Нашей Газеты – Фонда AVC Charity Андрея Чеглакова и выпущенное издательством «Арт Волхонка» тиражом всего 500 экземпляров. Как и все издаваемые Фондом книги, эта – уникальна, поскольку содержит тридцать иллюстраций русско-французского художника Георгия Пожедаева, известного на Западе как Georges A. de Pogédaieff. Из предисловия к изданию читатель узнает, что рисунки эти были созданы чуть более 70 лет назад, в 1945 году, вскоре после окончания Второй мировой войны, и до настоящего времени не публиковались. «В ходе поиска неизвестных пожедаевских работ первоначальные наброски и подготовительные рисунки к поэме обнаружили в собрании голландских коллекционеров Альберта Лемменса и Сержа Стоммельса (LS Collection), а полный комплект завершенных оригиналов с приложением ранее неизвестного перевода поэмы на французский язык, сделанного Аленом Гийерму, неожиданно отыскан в конце 2014 г. в Лондоне, - пишут составители Александр Авеличев и Доминик Фине. – Около 20 лет назад единым лотом этот комплект был приобретен по случаю одним лондонским галеристом на знаменитой ярмарке антиквариата в Иль-сюр-ля Сорг в Провансе, пролежал, дожидаясь своего часа, в пожелтевшей от времени папке и в 2015 г. вошел в состав уникальной пожедаевской коллекции Фонда AVC Charity в Москве».

(© AVC Charity)

Возможно, именно присутствие в комплекте перевода Гийерму натолкнуло составителей книги поделиться с читателями сведениями о том, какова судьба произведений Блока в переводе на французской. Подробнейшую информацию на этот счет мы находим во включенной в издание статье отлично известного нашим читателям французского слависта, почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива. Его обширная статья о «рецепции» Александра Блока во франкоязычном мире, написанная в 1993 году, была впервые опубликована на русском языке под названием «Александр Блок во Франции: Обзор» в сборнике: Александр Блок: новые материалы и исследования в престижной серии «Литературное наследство» под редакцией И. С. Зильберштейна. (Литературное

наследство, т. 92, кн. 5, М., Наука, 1993. С.225–243.) В издании Фонда AVC Charity статья воспроизводится в сокращенном виде, а мы, также с согласия автора, предлагаем вашему вниманию отрывки из нее, касающиеся только поэмы «Двенадцать», а не творчества Александра Блока в целом. Добавим, что в прошлом году профессор Нива сделал свой собственный перевод поэмы «Двенадцать», с которым русскоязычный читатель уже имеет возможность ознакомиться. (Блок, Александр. « Двенадцать » на русском языке и в переводе на 20 европейских языков / Александр Блок; иллюстрации Николая Попова. Центр книги Рудомино, М, 2017.) Этот перевод с приложениями и с обстоятельным новым исследованием ««Двенадцать» Блока – новая интерпретация сто лет спустя» появится в феврале в издании « Русский Путь» в Москве. Если в 1993 Жорж Нива задавал себе вопрос «Понятны ли французам «Двенадцать»?», то теперь он задумывается о том, понятна ли поэма Блока русским. Но мы к этому еще вернемся.

Жорж Нива: « О рецепции А. Блока в советский период»

«Несмотря на добрый десяток французских переводов «Двенадцати», несмотря на известное число научных статей, две диссертации и статьи в энциклопедиях, Блок во Франции почти неизвестен. Главная причина этого — отсутствие истинно поэтических и доступных переводов, способных заставить французскую читающую публику воспринять художественный текст.

В 1923 г. Исаак Сидерский опубликовал перевод «Двенадцати», который был подан как «окончательный»; сегодня этот перевод забыт бесповоротно, как и многие другие, за ним следовавшие... В конечном счете проблема «Блок во Франции» есть, по сути, проблема поэтического перевода на французский язык. < >

Самый первый французский перевод поэмы принадлежал Сергею Ромову и появился в Париже в 1920 г. в издательстве «Ля Сибль». (A. Blok. Les Douze. Paris, 1920). Ромов жил в Париже с 1905 г. Сперва он был печатником, потом основал небольшое издательство. В 1918 г. он создал журнал социалистического направления, которому покровительствовали Ромэн Роллан и Барбюс; в 1920 г. он основывает в Париже «Союз русских художников», сочувствующий Советской власти, а в 1922 г.— маленький русский журнал «Удар». До 1928 г., времени своего возвращения в СССР, Ромов в Париже много сделал как организатор франко-советских культурных отношений: так, осенью 1922 г. он устроил банкет в честь Маяковского, вместе со Зданевичем создал театральную труппу. Перевод «Двенадцати», который он опубликовал в 1920 г., в известном смысле был началом этой деятельности. Некоторые элементы графического оформления книги выполнены Михаилом Ларионовым. К сожалению, перевод очень слаб; сегодня его почти невозможно читать, и он не сыграл сколько-нибудь заметной роли в «рецепции» Блока во Франции.

Обложки разных изданий "Двенадцати" на русском языке (© AVC Charity)

В Бельгии на страницах художественного журнала «Ле Фламбо» («Le Flambeau », 1922) появился перевод «Двенадцати», сделанный бельгийским поэтом Робертом Вивье и его женой З.Тазиеф. Однако Р. Вивье, ставший позднее почетным членом бельгийской королевской Академии, ни разу не переиздал своего перевода, поскольку ему казалось, «что этот текст слишком конвульсивно содрогается и слишком отражает хаос эпохи, чтобы быть настоящей поэзией».

Перевод Исаака Сидерского (A. Blok. Les Douze. Paris, 1923) сопровождался несколькими скверно воспроизведенными рисунками Анненкова из русского издания 1920 г. От перевода Ромова он отличается стремлением украсить текст хлесткими рифмами. Есть и находки, но они тонут в стилистических промахах, смысловых ошибках, в жаргоне, употребляемом без меры и не к месту. Р. Вивье и З. Тазиеф также опубликовали свой перевод «Скифов» в «Ревю де Л'эпок» (Париж) в 1922 г.

Отметим, что примерно в это же время, но без обозначения года поэмы «Двенадцать» и «Скифы» были напечатаны в Париже по-русски издательством «Мишень» (Александр Блок. Двенадцать. Скифы. Париж, б.г. «Carte », 1922, № 4, p. 74). В книге есть несколько рисунков М. Ларионова и Н. Гончаровой. Текст ненадежен: редактор, например, «исправляет» языковые «погрешности» Блока (типа «елекстрический фонарик»).

О смерти Блока сообщила «Клярте» в глубоко прочувствованной статье [Пьера Паскаля](#), который жил тогда в Москве. Имя Блока появляется и в других изданиях—это материалы, помещаемые в связи со смертью поэта либо в связи с появлением переводов «Двенадцати». < >

И на французском...(© AVC Charity)

Начиная с 20-х годов обнаруживается одна из устойчивых — в будущем—черт «рецепции» Блока во Франции: интерес к Блоку христианских кругов, и в особенности левых христиан. В фокусе такого интереса — фигура Христа в финале «Двенадцати». Католический журнал «Фуа е ви» еще 16 декабря 1922 г. напечатал статью К. Мочульского под заглавием «Мастер современной русской поэзии — Александр Блок» («Foi et Vie », 1922, 16 декабря). Статья подводит итог творческому пути Блока, главная ее тема—блоковское видение России, родины грешной, но хранящей «искру веры». О «Двенадцати» Мочульский пишет: «Невозможно понять очень сложную композицию «Двенадцати» иначе, как в свете его (Блока) предыдущего поэтического творчества. Это поэма разрушения, песнь бешеного вихря, налетевшего на все социальные и политические ценности и разрушающего их. Вас захватывает головокружительное движение, опьяняет разнузданная и неукротимая свобода. Вспоминается „упоеание на краю бездны“, о котором говорил Пушкин».

Отметим также, что протестантский пастор и богослов Вильфред Моно посвятил свою проповедь, произнесенную 14 октября 1923 г. в часовне Лувра, религиозному значению поэмы «Двенадцать» (W. Monod. Les Douze. Paris, 1923). < >

В 1929 г. в Париже в серии «Панорамы современных литератур» вышла по-французски первая и —на долгое время — лучшая общая работа, посвященная новейшей русской литературе, — «Русская литература» Владимира Познера, эмигранта, в противоположность Гиппиус, принадлежавшего к тому лагерю внутри эмиграции, который сочувственно относился к советской нови. (V. Pozner. Panorama de la littérature russe. Préface de Paul Hazard. Ed. Kra. Paris, 1929.) С живостью, с

блеском разворачивает Познер полную панораму русской литературы первой четверти XX в. А. Блок занимает в ней целую главу. Это лучший по тому времени анализ всего творчества Блока по-французски, и в частности «Двенадцати», охарактеризованных как «единственное бесспорно великое произведение, вдохновленное русской революцией». Оригинальность поэмы Познер объясняет разочарованием и, пользуясь знаменитыми словами из «Плясок смерти», называет его «отчаянием ночи, улицы, фонаря, аптеки». Он заключает, что символизм Блока был не временным «декадансом» литературы, но подлинным возрождением германского романтизма. < >

В 1930 г. в русском журнале «Современные записки» была опубликована статья об Александре Блоке, принадлежавшая Георгию Адамовичу («Современные записки», XLVII, Париж, 1937, с. 283-305). В ней и личные воспоминания, и тонкая попытка комментария к творчеству Блока. Сравнивая речь Достоевского о Пушкине с речью Блока в 21-м году, Адамович так вспоминает о знаменитом вечере в Пушкинском доме: «Оратором он не был вовсе. Слез у потрясенных слушателей не исторгал. Он начал речь характерной фразой о «веселом имени Пушкина». И если все-таки многие из присутствующих на этом пушкинском празднике были глубоко взволнованы, то не потому, чтобы сама речь Блока была так увлекательна или прекрасна...Нет, речь была суховата, осторожна. Но произносил ее Блок, первый современный поэт, законный наследник Пушкина, лучший и вернейший сын России,— никто уже не сомневался тогда, шум, поднятый вокруг «Двенадцати», улегся, воздух очистился, и, говоря о Пушкине, он говорил о своей гибели». < >

Первые наброски Георгия Пожедаева

В «Антологии советской литературы 1918—1934» Марка Слонима и Джорджа Риви

творчество Блока представлено читателю как «глухое предчувствие неминуемого конца» (M. Slonim, George Reavey. Anthologie de la littérature soviétique, 1918-1934. Paris, 1935.) . Авторы подчеркивают парадокс Блока: «Чрезвычайно любопытно то, что именно Блок, один из вождей символизма, завершающего собой целую культурную эпоху, открыл новую главу в русском искусстве и поставил себя меж двух миров — только что рухнувшего и еще не родившегося». Тезис о некоем христианском смысле «Двенадцати» находит решительную поддержку. Перевод «Двенадцати» для этой антологии выполнен философом Брисом Парэном, но мы вернемся к нему ниже, в связи с более поздним, исправленным изданием.

Итак, к концу 30-х годов во Франции существовало несколько переводов «Двенадцати» и несколько рассеянных по разным изданиям статей об авторе этой поэмы; но ни одной монографии, ни одной важной работы о нем еще не было. О Блоке писалось немало в русской эмиграции во Франции. Улеглась буря вокруг «Двенадцати», недоброжелательству Бунина или Гиппиус пришло на смену чуткое сочувствие Адамовича, Мочульского, Вейдле. Однако не многое из того, чем жила, что писала русская эмиграция, становилось известным широкой французской публике. Между тем после 1945 г. французская публика вновь потянулась ко всему русскому. Этот новый интерес к России привел и к расширению знакомства французов с Блоком. Попутно отметим, однако, что еще в 1943 г. в швейцарском Фрибурге в католическом журнале «Ветера эт нова» появилась подборка стихотворений Блока со вступительной заметкой «Александр Блок, поэт русской трагедии (1880—1921)». (J. Gauvain, E. Bicker, Alexandre Blok, poète de la tragédie russe. – «Nova et Vetera») Составители—два французских беженца в Швейцарии Ж. Говэн и Э. Бикер, намерения их строго «христианские»: через Блока постичь «тайну», скрытую в сердце каждого народа.

Блок для Говэна и Бикер — посредник, который поможет понять Россию и отразить натиск «тех, кто мечтает уничтожить этот стопятидесятимиллионный народ в немыслимой бойне, называемой авторами подборки «крестовым походом». Глубоко антифашистский замысел, таким образом, очевиден, он вписывается в пейзаж Сопротивления, для которого характерны горячие симпатии к Советской России. Блок для авторов заметки—апокалиптический пророк. Христос «Двенадцати» невидим, как невидим он и в жестокой битве истории. Но его появление означает, что в «истории, исход которой неясен», восторжествуют по воле бога справедливость и свобода. Подборка состоит из двух десятков стихотворений, сгруппированных в четыре раздела. Некоторые переводы (принадлежащие Жану Говэну) уже увидели свет раньше—в журнале «Фонтэн» (в январе 1942 г.). В числе прочих мы находим «Новую Америку» и отрывок из «Возмездия» (название в переводе — La rançon). Особенно удачным получился перевод—«Рожденные в года глухие...» Отрывки из «Двенадцати»— в переводе Б. Парэна—заимствованы из антологии Слонима и Риви. В целом эта публикация, очень тщательная, свидетельствует о возрождении интереса Франции к русской культуре, расцвет которого наступил сразу после войны. < >

Первые наброски Георгия Пожедаева

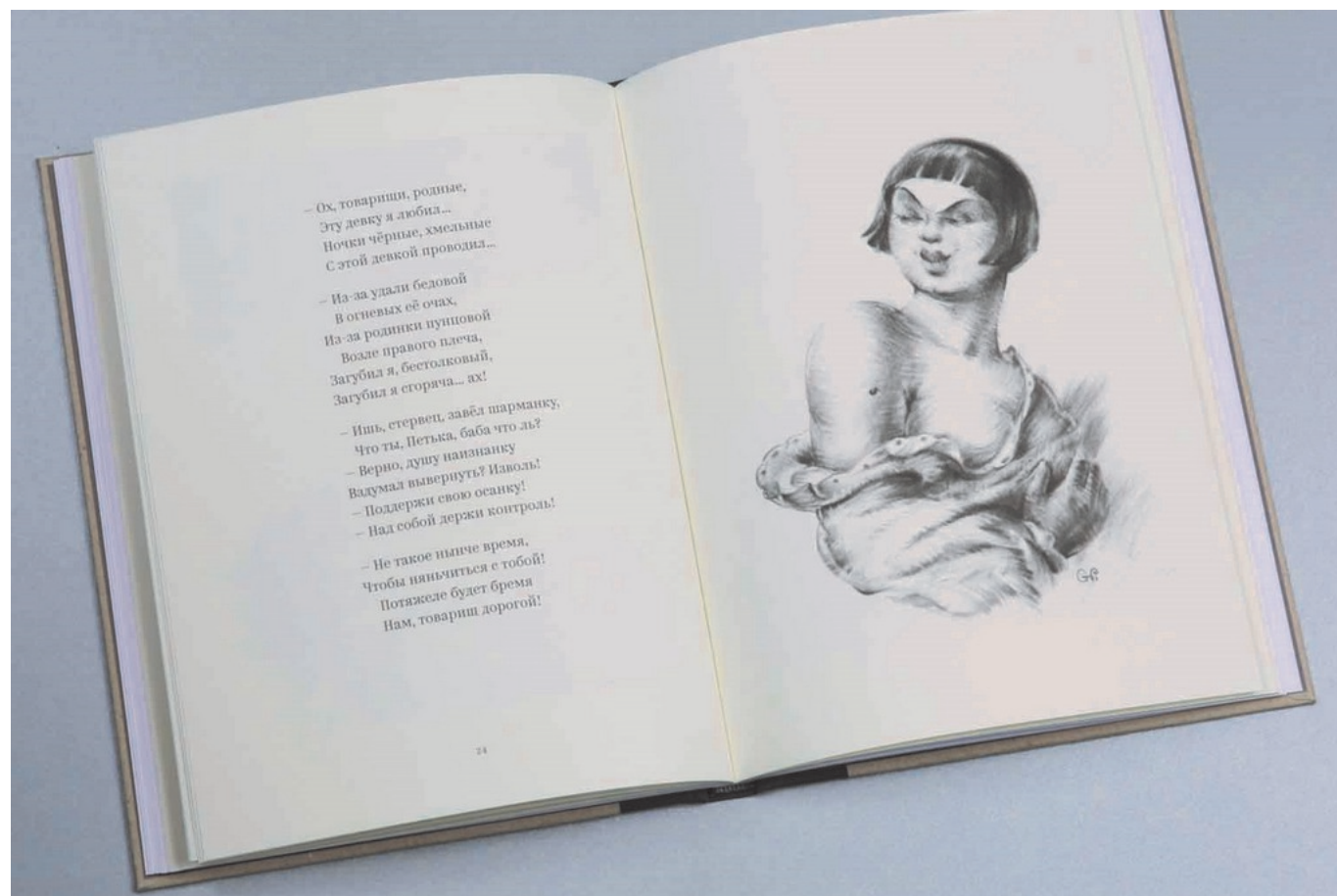
В 1949 г. выходит маленькая книга поэта Армана Робэна «Четыре русских поэта», включавшая в себя переводы из Маяковского, Пастернака, Блока и Есенина. (A. Robin. Quatre poètes russes. Ed. Du Seuil, Paris, 1949) А.Блок был представлен только поэмой «Двенадцать». «Далеко не случайно,—пишет Робэн,—что Александр Блок, этот мечтатель, витающий где-то между Данте и Суинберном, внезапно взорвал свою поэму в неистовой ночи и выпустил на волю эту эпопею „Двенадцати“, где с ветхого человека содрана вся кожа». Арман Робэн с полной точностью следует ритмам поэмы. По-видимому, он весь во власти ее поэтического дыхания, недаром в своем предисловии он заявляет: «„Двенадцать“ выводит нас за пределы нашего естества, мы обгоняем самих себя. Можно сказать, что эти стихи пришли из будущего и открывают нам истинную природу того, что мы творим сейчас». Но многочисленные неточности и даже грубые ошибки портят этот перевод. < >

В 60-е годы уровень перевода блоковского текста повышается. Прежде всего надо назвать антологию Кати Граноф с предисловием Бриса Парэна (K. Granoff. Anthologie de la poésie russe du XVIIIème siècle à nos jours. Ed. Gallimard. Paris, 1961). В нее включены тринадцать произведений Блока, в том числе «Незнакомка», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «На поле Куликовом», «Россия», «Двенадцать», «Скифы». Переводчица не позволяет себе отклоняться от правил французского стихосложения. К сожалению, старательная рифмовка вредит и точности, и спаянности строк, и даже связи между образами. Тем не менее есть удачи, как, например, «Я пригвожден к трактирной стойке...» или две короткие строфы «Ночь, улица, фонарь, аптека...», а также некоторые места из «Двенадцати».

Однако не во Франции, а в Бельгии появились лучшие переводы Блока. Они

помещены в книге бельгийского поэта и академика Робера Вивье. (R. Vivier. Traditore... Essai de mise en vers français de poèmes occitans, italiens, espagnols, roumains, polonais et russes de divers époques. Palais des Académies. Bruxelles, 1960) Самим своим названием («Traditore...») книга объявляет о намерении автора защитить переводческое ремесло и восстановить его во всех правах. «Traduttore traditore» — гласит итальянская поговорка. Но кто не изменник? — спрашивает Вивье в своем интересном предисловии. Изменник — читатель, по-своему воспринимающий текст. Изменник и поэт, передающий человеческим языком мысль, подслушанную на языке сверхчеловеческом. < >

В 1963 г. Брис Парэн выпустил новую, переработанную редакцию своего перевода «Двенадцати». Философ, но, кроме того, прозаик и даже драматург, Парэн прежде жил в России; вплоть до своей смерти он вел серию русских переводов в издательстве «Галлимар». На этот раз «Двенадцать» появились в роскошном выпуске «Нуво Коммерс» (Le Nouveau Commerce. Cahier 2, Paris, 1963). В предисловии излагается творческая история поэмы, приводятся цитаты из «Дневника» Блока. «Я думаю,—пишет Парэн,—что символизм был последней религией, объединявшей Европу, пока нынешние времена не принесли с собою разрозненности и гражданских распрей: Малларме и его ученики во Франции, Р. М. Рильке и Стефан Георге в Германии, в России Блок и религиозно-философское общество. Символизм был сочетанием эстетизма и гнозиса. Он поддерживал европейскую интеллигенцию в ее борьбе за освобождение личности и за то понимание свободы, которое можно назвать тотальным или метафизическим. Блок решил порвать с символизмом, когда почувствовал приближение большевистской революции, в образе и поступки которой открывались черты нового откровения о будущем». Что касается перевода Парэна, прекрасно ритмизованного, обогащенного многими лексическими находками, то это — один из лучших французских переводов «Двенадцати». < >

А вот и толстоморденька Катька (© AVC Charity)

В 1967 г. < > две книги выпускает Элиан Бикер. Первая, «Двенадцать», напечатанная ин-кварто, двуязычна — русская ее часть факсимильно воспроизводит первое издание 1920 г., иллюстрированное Ю. Анненковым (Блок, как известно, особо настаивал на сохранении оригинального формата рисунков Анненкова). (A. Blok. Les Douze. Ed. Bilingue. Traduit et présenté par Eliane Bickert. Librairie des Cinq Continents. Paris. 1967) Предисловие отличается точностью и полнотой, содержит выдержки из «Дневника» Блока, из воспоминаний Ю. Анненкова и С. Алянского. Перевод — «академический»: он исправляет ошибки, накопленные предшествовавшими переводами (в том числе и переводом Ару), сохраняя в то же время некоторые удачные находки более ранних опытов. Но принцип дословной точности ведет к неуклюжестям стиля, например к инверсиям, едва ли допустимым в современном тексте. < >

Отклики на обе книги Элиан Бикер появились в журналах «Прёв» и «Ла ревью сосьялист». В первом из них прозаик и переводчик Жан Бло хвалит Бикер за то, что она поместила «Двенадцать» в соответствующий исторический контекст. («Preuves», Paris, juin 1967, N 196.) Самое замечательное в поэме, для Ж. Бло, — это «авторитарность» Блока: он навязывает нам «слепой марш красногвардейцев», вой ветра и снежные вихри. Но заканчивается рецензия неожиданной нотой: «Двенадцать» не представляют собою, по суждению Бло, «поэтического феномена». Р. Пагас пишет, что из «Двенадцати» он больше узнал о «революционном Петрограде», чем из многочисленных исторических и социологических исследований.» («La Revue socialiste», Paris, juin 1967, N. 204.)

От редакции: Мы разделяем мнение Р. Пагаса и приглашаем читателей, интересующихся русской историей и любящих эксклюзивные издания, приобрести пронумерованный экземпляр «Двенадцати» А. Блока с иллюстрациями Пожедаева, [обратившись в московский офис Фонда AVC Charity](#). Нашу книжную полку уже украшает экземпляр под № 271. Презентация книги состоялась в символичную дату - 18 декабря, 18.12 - в московском Музее современной истории (бывшем Музее революции). Вот как это было.

[Жорж Нива](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/ponyatny-li-francuzam-dvenadcat>